

Кубовичева - 1997. - 11 Дек. - С. 11

Между Сциллой и Харибдой

ТЕЛЕСТРАНСТВИЯ

Сергей КУДРЯВЦЕВ

Думается, Андрей Кончаловский оказался столь же хитроумным, как Одиссей. Летом прошлого года, давая на натуре на острове Мальта интервью Сергею Шолохову в телепередаче "Тихий дом", он лукаво уверял, что как режиссер устал от поиска непреходящей сверхзадачи и на этот раз удовлетворится хорошим гонораром и замечательными съемками на лоне средиземноморской природы.

От предложения Фрэнсиса Копполы, одного из исполнительных продюсеров, Кончаловский все же долго отнекивался: и сценарий не нравился, и вообще как-то странно снимать фильм на мифологический сюжет, от которого остались какие-то смутные детско-школьные воспоминания.

По мгновенной ассоциации можно также вспомнить иронические замечания в "Риме" Феллини по поводу всех этих навязших в зубах не слишком усердных школяров античных мифов или крылатых фраз типа: "И ты, Брут!" (ситуация "остраняется" при помощи какого-то заурядного спектакля) и "Так был перейден Рубикон" (и занудный учитель перешагивает какой-то еле заметный ручеек в окрестностях Рима).

Некоторые аттракционные моменты в американском телесериале "Одиссея", осуществленном Кончаловским, тоже покажутся образами из детских приключенческих сказок, цитатами из бесчисленных "пеплумов" (так называют жанр фильмов, посвященных античной истории), припоминанием не раз экранизированных "Приключений Одиссея". То, что новая версия "Одиссеи" потрафляет вкусам современной публики, воспитанной на суперзрелищном кино с обязательными спецэффектами, придумками мастеров грима, визуальных трюков и компьютерной обработки изображения, подтверждается и тем фактом, что телесериал стал самым дорогостоящим в Америке.

Вероятно, поклонники занимательного и в то же время познавательного зрелища, все-таки рассчитанного на семейный просмотр (режиссер даже был вынужден с максимальной деликатностью решать отдельные эротические сцены), остались довольны. Поскольку после майской премьеры на американском телевидении этот минисериал, который получил высший зрительский рейтинг в своем жанре,

цельным, сильнее разбрасывающимся в своем творчестве, делающим неожиданные зигзаги. Он удивляет даже тех немногих приверженцев, которые не поспевают за его метаниями от "Истории Аси Клячиной" — к "Дворянскому гнезду", от "Дяди Вани" — к "Романсу о влюбленных", от "Сибириады" — к американскому, тоже довольно разнородному и противоречивому циклу лент (от самой лучшей картины "Скромные люди" до самого кассового, но обезличенного боевика "Танго и Кэш"). Поневоле приходит на ум, что сам режиссер — как вечно странствующий Одиссей, который никак не может вернуться на родную Итаку и вновь обрести свою долго ждущую в одиночестве жену Пенелопу и уже выросшего сына Телемаха. Очень любопытно, как в "Одиссее" герой, наконец-то завершивший странствия, словно намеренно оттягивает радостную встречу с Пенелопой, еще раз принимает другое обличье — нищего старца, разыгрывает хитроумный план для того, чтобы, не впадая в разрушительный гнев, не теряя своего человеческого достоинства, отомстить наглým обидчикам-женихам, покушавшимся на супружеское ложе и царство.

Кстати, надо бы вспомнить, как ернически, в хорошем смысле по-хулигански Михалков-Кончаловский "возвращался" на родину в первых кадрах "Курочки Рябы" — постриженным наголо, но лишь наполювину. И картина тогда получилась такая же промежуточная, вызывавшая недоумение, а порой и раздражение, как и чересчур инициативный и рабочий кооператор, который мозолил глаза ленивым и завистливым односельчанам. А своеобразная всесоюзная (вернее, уже всероссийская) премьера, лихо устроенная режиссером на первом канале телевидения, спровоцировала бурю в прямом эфире, которой, наверное, гордился бы даже Посейдон, гонявший Одиссея по морям, вдали от отечества.

Нет, все-таки явно лукавил Кончаловский, проведя опытного "прикольщика" Шолохова или же просто сговорившись с ним, поскольку "Одиссея" на самом деле — пример не только ловкого лавирования между Сциллой зрительского успеха и Харибдой добротного художественного повествования, между американской страстью к постановочным псевдоисторическим киносpectаклям и европейской заботой о поисках интеллектуальной трактовки. Той самой пресловутой сверхзадачи, некоего смысла, оправдывающих деятельность вдумчивого творца.

Богиня Афина, наблюдающая за всем со стороны (между прочим, и восхитительно загадочная Изабелла Росселлини в этой роли, и ребячески забавный Майкл Дж. Поллард в качестве Золы — лучшие актерские удачи "Одиссеи"), однажды в ответ на



Кадр из фильма

был выдвинут на соискание премий "Эмми" и удостоился в сентябре, на 49-й церемонии, двух престижных наград — не только за спецэффекты, но и за режиссуру, причем впервые в истории приз "Эмми" достался российскому режиссеру. Правда, жаль, что "Эмми", в отличие от "Оскара", не вручают оператору или композитору, потому что еще два соотечественника, Сергей Козлов и Эдуард Артемьев, поработали действительно на славу. И тем не менее почти с уверенностью следует сказать, что "Одиссея" в большей степени нужна россиянам, нежели американцам. Другое дело — многие ли это осознают.

Андрей Михалков-Кончаловский (если уж его писать по отечественным правилам) не принадлежит к всеобщим любимчикам, подобно младшему брату Никите Михалкову, может представиться менее

недовольство Одиссея из-за ее невмешательства с лукавством замечает: "Боги не должны помогать людям делать то, что они должны сделать сами". К чему бесполезно гневаться на Посейдона, если нужно самому выстоять в борьбе со стихиями и невзгодами судьбы — и тем ценнее будет достигнутая цель, тем сладостнее чувство возвращения на родину и обретения утраченной гармонии бытия.

Как это ни покажется странным, американская "Одиссея" Андрея Кончаловского имеет больше точек соприкосновения с нынешней российской действительностью и содержит чуть ли не прямые советы, как нам выйти с честью, а главное с умом из глобальных передряг, не уповав напрасно на благосклонность небожителей. Ведь и в нашем фольклоре есть мудрая поговорка: "На Бога надейся, а сам не плошай".